

Тибидохс. Кабинет Сарданапала

*Через три года после рождения Тани Гроттер
и за семь лет до ее появления на о. Буяне*

В камине главы Тибидохса Сарданапала Черноморова пылал огонь. Питекантроп Тарарах на корточках сидел у камина и жарил шашлык, нанизанный на шпагу. Мясо вкусно скворчало и постреливало каплями жира.

— Оно, конечно, баранина ничего, да только все равно с мамонятиной какое сравнение — слезы одни! — ворчал Тарарах. — А на чем я жарю? Семь магов в школе, все головастые — жуть, один даже академик, и хоть бы кто удосужился нормальные шампуры наколдовать. Спасибо, я годков двести назад у маршала Даву шпажонку отобрал. Хорошая шпажонка — аккурат на двенадцать кусков.

Тарарах не преувеличивал. В кабинете академика действительно находились все семь тибидох-

Дмитрий Емец

ских преподавателей — сам Сарданапал, Великая Зуби, Ягге, Поклеп, Медузия, Соловей О. Разбойник и профессор Клопп. Причем находились по поводу, который никак нельзя было назвать приятным.

Усы Сарданапала безнадежно подрагивали. Их бунтующие кончики крепко держал на затылке золотой зажим. Это был верный признак, что глава школы Тибидохс настроен на серьезный лад.

— У меня две новости: плохая и омерзительная. С какой начать? — спросил академик.

— Сарданапал, пожалей старуху. Начни с плохой. Я заканчиваю вязать Ягунчику шапку. Если сейчас ошибусь — придется много распускать, — осторожно заметила Ягге, поднимая глаза от спиц.

— Но-но, не скромничай! Не старьте старых стариков, они моложе молодцов! Забыла, как заговаривать спицы, чтобы они вязали сами? — улыбнулась Великая Зуби.

— Мой Ягунчик не любит наколдованные шапки. Он говорит, что у него в них уши не помещаются, — возразила Ягге.

Маленький Ягун, живой как ртуть, был любимчиком бабуся и большой проблемой всего остального Тибидохса. На месте он не мог усидеть вообще. Пару раз его снимали с пылесоса на полдороге на Лысую Гору, а один раз нашли у Жутких Ворот, которые он пытался открыть гвоздиком, используя его как отмычку. Помешал пустяк: гвоздик оказался на сантиметр короче.

— Да, уши у Ягунчика редкостные. Не удивлюсь, если мальчишка будет хорошо играть в драконбол. Они позволят ему недурно планировать и закладывать крутые повороты, — кивнул Соловей О. Разбойник.

Сарданапал укоризненно кашлянул:

— Сегодня утром я закончил кое-какие расчеты. Через три дня, в пятом часу вечера, произойдет полное солнечное затмение. Оно продлится семь с половиной минут — астрономически максимально возможный срок для солнечного затмения. Здесь, на Буяне, мы ничего не увидим. Зато Москва полностью окажется в черной тени. От одной окраины до другой. На семь с половиной минут город провалится во Мрак...

Тарахах слизнул с пальцев жир и присмотрелся к мясу:

— В своей жизни я видел кучу затмений. И никогда ничего... Разве что как-то в палеолите бойкий парнишка из соседнего племени воспользовался паникой и стибрил у меня отличный каменный топор.

— Тарахах, затмение, о котором я говорю, не заурядное. О нем предупреждал еще Древнир. А Древнир не был склонен к пустой панике, — заметил Сарданапал.

— Насколько я понимаю, затмение — это и есть обещанная плохая новость. А теперь омерзительную. Я начинаю входить во вкус! — усмехнулась Медузия.

Дмитрий Емец

— Вот и она. Его назовут Мефодием Буслаевым. Он появится на свет спустя две минуты после того, как скроется солнце. Древнир не сомневался, что у мальчишки будет дар.

— Многие младенцы постучатся в дверь мира в эти семь с половиной минут. Возможно, дар будет у кого-то другого, — резонно возразила Медузия.

— Нет, Меди. Я убежден, что дар будет именно у него. Слишком много совпадений. Расположение звезд, место и время рождения, затмение и, главное, кровь. В роду у мальчишки было немало волшебников. В Средние века одну из его прапрапра сожгли на костре. Она насылала на своих соседей чуму взглядом и делала это чаще, чем требует обычная вежливость.

— А есть какая-то надежда, что Мефодий Буслаев не осознает своего дара? — осторожно спросила Медузия.

— Надежда умирает последней. Однако в данном случае она скончалась еще до появления мальчугана на свет, — мрачно пошутил академик.

Сарданапал встал и, не глядя ни на кого, стал прохаживаться по кабинету.

— Белые маги? Чудесно! Черные маги? Замечательно!.. Но мы забыли о тех, чьи силы во много раз превосходят нашу ворожбу и наши заклинания! О тех, кто древнее египетских пирамид! О стражах Мрака! О стражах Света! Вот кому нужен его дар! — убежденно произнес он.

— Но Сарданапал! Наверно, ты преувеличива-

ешь. Возможно, стражи Мрака ничего не знают о Мефодии Буслаеве, — осторожно сказала Великая Зуби.

Поклеп Поклепыч и профессор Клопп обменялись ироничными взглядами.

— Они знать о мальчишке все, если его дар стоить хотя бы один копейка! — пробурчал Клопп.

Зажим соскочил с усов Сарданапала, и они запрыгали, дирижируя невидимым оркестром.

— Да, профессор, да и еще раз да! Последние столетия все мы были преступно халатны! Волшебные книги, заклинания, драконбол, свары с древними божками, не желающими угомониться, — это и стало нашим миром. Но при этом... — тут академик снизил голос до шепота, — зачем обманывать себя? В день, когда родится мальчишка, проклятая пружина вновь начнет закручиваться, чтобы через тринадцать лет... Не хочу даже думать об этом.

— Стражи Мрака... — задумчиво сказала Медузия. — Представить только, что было время, когда я не видела разницы между магами и стражами. А потом поняла. Маги — белые ли, черные — не зависят от лопухоидов. Их мир существует отдельно, наш — отдельно. Мы не вмешиваемся в его историю и лишь стремимся, чтобы лопухоиды не узнали о нас. Совсем другое дело стражи Мрака. Им лопухоиды необходимы... Их мысли, их чувства, их эйдосы. Особенно эйдосы...

Поклеп мрачно посмотрел на нее:

Дмитрий Емец

— Точно, Медузия! Между простыми магами, такими как мы, и стражами Мрака чудовищная разница... Как между курами и индюками. Одни летают, а другие... других летают...

— Это потому, что мы, даже черные, такие как Клопп и Зуби, не подпитываемся силой эйдосов, — сказала доцент Горгонова.

— Если отбросить в сторону мораль, отказ от использования эйдосов имеет свои минусы. Дар каждого мага — белого или черного — задан изначально. Можно научиться владеть им, можно выучить несколько сотен заклинаний, но с годами сам дар не станет больше, разве что слегка отточится. Возьмите хоть наших учеников. Среди них есть сильные маги, а есть и такие, которые только и умеют что заставить табурет выбросить почки и зацвести. И таких мы тоже вынуждены брать! — хмыкнула Ягге.

— А кольцо? А артефакт? Разве они не усиливают дар? — наивно спросил Тарахах.

Соловей О. Разбойник рассмеялся:

— Усиливают. Но лишь до тех пор, пока ты ими владеешь. Артефакт — это как дубина у питекантропа. Делает ли она его сильнее?

— Еще как! Уж я-то знаю! Особенно если хорошая попадется. Вся гладкая, ровная, а на конце чтоб с утолщением. Сучок или там чего еще, — заверил его Тарахах. Глаза его затуманила ностальгия. — По мне, так: врежешь дубиной — мало не покажется. А при чем тут эйдосы? Что это вообще такое?

— Эйдосы — это то, что стражи Мрака стремятся заполнить в свои дархи, чтобы стать сильнее! — пояснила Великая Зуби.

Тарарах хмыкнул:

— Класс! Я тебя обожаю, Зуби! Ты умеешь все так понятно разложить по полочкам. Представь, я не знаю, что такое «мышь», и спрашиваю тебя. Ты отвечаешь: «Милый Тарарах, мышь ловят мышеловкой». — «А что такое мышеловка?» — спрашиваю я. «Мышеловка требуется для ловли мышей». Теперь я понимаю, почему твои ученики боятся твоих уроков до дрожи.

— Эйдос, за которым охотятся стражи Мрака, — это ядро, суть одухотворитель материи, билет в вечность, ключ к бессмертию, душа — то есть самое главное и важное, что есть у каждого лопухоида, у нас с вами и даже у Ягге, хоть она и богиня. У каждого только один эйдос, и это единственное, что нельзя подделать или скопировать с помощью магии. Лопухоид, потерявший жизнь и тело, но сохранивший эйдос, не теряет ничего. Но человек, утративший эйдос, теряет все, даже если его тело, разум и жизнь вне опасности, — пояснил Сарданапал.

— М-м-м... И как это выглядит? — спросил Тарарах.

— Да никак. Эйдос не имеет ни веса, ни формы. Или имеет. Маги спорят об этом уже несколько тысяч лет. Авессалом Приплюснутый считал, что эйдос — это невидимый драгоценный камень,

Дмитрий Емец

который в тысячу раз ценнее любого алмаза, даже самого крупного. Экриль Мудрый был уверен, что это второе, главное — сердце, которое управляет биением первого сердца. Гуго Хитрый туманно утверждал, что эйдос — это «то *есть*, которого *нет*». Другими словами, эйдоса не существует до тех пор, пока его существование не будет осознано каждой конкретной личностью. Только тогда он появляется. Однако большинство ученых, к которым относится и ваш покорный слуга, сходятся во мнении, что эйдос есть у каждого, вне зависимости от того, осознает он это или нет. Эйдос похож на маленькую голубоватую искру или песчинку. Эта искра имеет огромную, ни с чем не сравнимую силу, именно она приобщает нас к вечности и не оставляет после смерти в гниющей плоти. Эйдос — вечная частица бытия, часть Того, Кто создал нас словом. Его не уничтожит ни дивизия горгулий, ни атомный взрыв, ни гибель Вселенной — ничто. И такую силу имеет даже один эйдос!

Именно этим и промышляют стражи Мрака. Чем больше эйдосов в дархе каждого стража — тем больше его возможности и, следовательно, тем выше он стоит в иерархии среди своих. Стражей несколько не заботит, что вместе с эйдосом они отнимают у лопухоида вечность. Для них это предмет охоты — не более того.

— Они отнимают эйдосы силой?

— Силой эйдос отнять невозможно. Но эйдос можно отдать добровольно. Можно подарить, или

продать, или обменять на алмаз, на царство, на яблочный огрызок — кто во что его оценит. С этим уже ничего не поделаешь. За сотни лет миллионы лопухоидов уже расстались со своими эйдосами, перекочевавшими в дархи к стражам Мрака, — с грустью сказал Сарданапал.

— А стражи Света? Им эйдосы не нужны? — спросил питекантроп.

— Стражи Света призваны охранять эйдосы смертных, но не похищать их! Они не зачеркивают чужую вечность. Древнир, как он ни был велик, никогда не покушался ни на один эйдос. Хотя порой мне кажется, что он был не простым белым магом. Я думаю, что...

— ...он был одним из стражей Света? — закончил Поклеп.

— Возможно, — уклончиво ответил Сарданапал. — Стражи Света редко кричат о себе во всеуслышание. Они уважают свободу выбора и предпочитают роль наблюдателей.

— Но чем так опасен этот мальчишка, Сарданапал? Почему мы должны бояться Мефодия Буслаева?

Сарданапал сел за стол и, окунув в чернила гусяное перо, сделал на бумаге замысловатый росчерк:

— Что вы знаете о Древнире? Не как о мудрейшем маге, основателе Тибидохса, но как о человеке из плоти и крови? Немного, не правда ли?

— Очень немного. Он не любил смешивать де-